

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. . . . .
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . . . . 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 11 (343)
15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13^e) Тел.: Port-Royal 05-25 Cheques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Июня 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: К новой международной конъюнктуре?
Ф. Дан. Знамение времени.
В. Александрова. На холостом ходу.
А. Югов. Отличники.
С. Шварц. Знаменательная полемика.
Заграницей: К правительственному кризису во Франции. — Заседание Исполкома МФПС. — В Эстонии. — Рвение ренегата.

По России: Французские гости. — «Как сон». — Мужественный Сталин. — «Воинское братание». — Закат М. Горького? — Разгром «Академии». — Крутые времена. — Расправа с неблагонадежными большевиками. — Аресты и ссылка. — Соловки — центр туризма. — «700 рублей миллиметр». — Крестьянская жизнь. — В городе. — Первое мая.

Из партии: Запрещение «С. В.» в Манчжурии.
Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Фельетон: Р. Абрамович. Америка 1935.

К новой международной конъюнктуре?

Последние недели международной жизни отмечены речами Гитлера и Муссолини в тех сборищах фашистских лакеев, которые в Германии и Италии именуются «парламентами». Эти речи и реакция на них со стороны международной печати и представителей правительств ряда стран еще раз напомнили и о незаконченности той перегруппировки европейских держав, в которой складываются новые коалиции — сегодня для «борьбы за мир», а завтра, быть может, для новой войны, — и об иллюзорности той политики, которая строит свои расчеты на жестах, фразах, заявлениях, текстах резолюций и договоров, а не на анализе тех глубинных экономически-социальных процессов, которые определяют, в конечном счете, не только внутренние судьбы стран современного капитализма, но и их внешнюю политику, являющуюся, как всегда, необходимым продолжением и дополнением их политики внутренней.

Самым важным результатом речей Гитлера и Муссолини надо признать тот факт, что они окончательно разоблачают миф о якобы «полной изоляции» национал-социалистической Германии. При всем варварски-средневековом характере германского национал-социализма не может быть и речи о моральной изоляции его среди возглавляющих цивилизованные страны современного капитализма правительств и стоящей за этими правительствами капиталистической буржуазии: не вызывая инстинктивного жеста возмущения и отвращения, Гитлер может позволить себе, с дрожью в голосе, декламировать о «правах человека» и, подобно своему

предшественнику Муссолини, явно находится на пути превращения в почтенного и уважаемого члена того международно-правительственного сонма, который, не покладая рук, хлопочет о спасении мира, человеческой цивилизации и прочих прекрасных вещей.

Но еще бесконечно меньше можно говорить о политической изоляции национал-социалистической Германии. Было бы жалким самообманом не видеть, что на арене международного дипломатического бокса Гитлеру удалось за последнее время записать в свой актив немало новых «пунктов», и что, наоборот, шансы противоположной группировки, возглавляемой Францией, находятся, вопреки всем дипломатическим успехам Лавалля, в понижении. Несмотря на англо-французское соглашение, поведение английского правительства не оставляет сомнения в том, что Англия вовсе не намерена твердо держаться выработанной в Лондоне «целостной» программы, а готова сохранять нейтралитет и договориться с Гитлером и на основе соглашения по таким «частным», но для Англии жизненным вопросам, как вопрос о морских и воздушных вооружениях. Несмотря на Стрезу, Женеву и пресловутое «осуждение» Германии за самовольное восстановление армии, первая-же сессия комиссии по выработке «санкций» за возможные в будущем нарушения договоров показала, что воистину роса очи выест раньше, чем взойдет солнце действенной солидарности всех представленных в Лиге Наций государств против «правонарушителя». Несмотря на визит Лавалля в Варшаву и смерть Пилсудско-

го, безумным фантазиям которого долго старались приписывать поворот Польши от Франции к Германии, польская политика сейчас, пожалуй, еще более определенно окрашивается в цвет германской ориентации, чем несколько недель тому назад, и цитируемая «Правдой» (29 мая) статья варшавской газеты «Час», органа кн. Радзивила, председателя внешнеполитической комиссии сейма, показывает, что члены правящего Польшей блока более решительно, чем когда-либо, придают этой ориентации агрессивный, антисоветский и антифранцузский смысл. Несмотря, наконец, на заключенную в Риме италийско-французскую дружбу, последняя речь Муссолини высказывает с полнейшей откровенностью угрозу радикальной переориентировки италийской политики в направлении сближения с Германией. И, быть может, из всех совершающихся за последнее время международно-политических сдвигов именно италийский имеет наибольшее симптоматическое значение.

Основной предпосылкой оптимистической уверенности в неизбежности той италийско-французской «дружбы», основание которой было заложено в Риме, было представление о том, что сохранение независимости Австрии имеет для Муссолини столь первостепенно-жизненное значение, что этой задаче он вынужден будет подчинять отныне всю свою внешнюю политику. На основании этого представления делались предсказания о грядущем примирении Италии с Югославией и предстоящем обуздании ею венгерского «ревизионизма». На основании этого представления обширные военные приготовления Муссолини в Африке трактовались «реальными» политиками едва-ли не как блэфф: не может-же Муссолини завязать свои военные силы в Абиссинии, оголив свой австрийский фронт и поставив Австрию под опасность германского удара! Анти-германская ориентация италийской внешней политики считалась столь неизбежной, что италийский «дуче» стал фигурировать чуть не в роли чемпиона европейской цивилизации в ее борьбе против варварства германского «фюрера»! От всей этой идиллической картины после речи Муссолини осталось буквально пустое место. О примирении с Югославией никто уже не говорит, — по крайней мере, о примирении на основе действительного утверждения независимости Австрии (не только от Германии, но и Италии!) и полюбовного разрешения вопроса о придунайском бассейне вообще. Сама дунайская конференция, которая должна была собраться в Риме в начале июня, отложена на неопределенное время. А в своей речи Муссолини с брутальной откровенностью заявил, что не даст приковать себя к Бреннеру, к австрийской границе, и что не Австрия, а Абиссиния является отныне краеугольным камнем его внешней политики.

Потому-ли, что Муссолини разочаровался в возможности ставить свою карту на австрийский клерико-фашизм, имеющий против себя 4/5 населения собственной страны, и заранее хочет африканскими успехами перекрыть свою австро-европейскую неудачу; потому-ли, что, благодаря неожиданному для него сопротивлению Абиссинии, за которой, надо думать, стоят в этом случае интересы Англии, он так завяз в африканской аванюре, что без сильнейшего потрясения престижа фашистского режима уже не может вылезти из нее; потому-ли, наконец, что лучше, чем кто-либо, он отдает себе отчет в опасных для него более, чем для кого-либо, революционных последствиях всякой европейской войны; или-же, что наиболее вероятно, в силу всех этих мотивов одновременно, — но он совершенно явно готовится круто повернуть руль италийской внешней политики и заявляет, что отныне «другом» своим будет считать не того, кто вместе с ним гарантирует независимость Австрии, а того, кто поможет ему уничтожить независимость Абиссинии. Намек достаточно ясный, и

недаром германская печать немедленно-же прекратила всякие нападки на Муссолини за его африканский поход, а германское правительство заявило, что ни о военных поставках Абиссинии со стороны Германии, ни о посылке туда германских военных инструкторов не может быть и речи.

Муссолини готовится переориентировать свою внешнюю политику в сторону сближения с Германией. Конечно, это сближение возможно лишь на основе жертвования тем, что на условном дипломатическом языке называется «государственной независимостью» нынешней Австрии и что на деле означает ее зависимость от италийского фашизма. Зависимость изнасилованной Дольфусами и Шушницами Австрии от фашистской Италии должна будет смениться ее зависимостью от национал-социалистической Германии — в форме ли прямого присоединения, в форме ли раздела ее между Германией и Италией или в «данцигской» форме якобы попрежнему независимого, но уже не италийски, а германски ориентированного государственного существования. И разумеется, эта перспектива, как и перспектива иметь со дня на день все более милитаризирующуюся Германию своим непосредственным соседом весьма мало привлекательна для италийского диктатора. Но чего не сделаешь для предохранения своей диктатуры от крушения! Самосохранение всегда было и всегда будет верховным законом и внутренней, и внешней политики всякой реакционной и контр-революционной диктатуры, и делающим ее столь военно-опасной.

Намечающийся поворот италийской внешней политики, как и успехи «свадебной» поездки генерала Гэринга по Балканам, способны создать в Европе совершенно новую международную ситуацию, первые намечки на которую уже позволили венгерскому премьеру Гэмбэшу не только подчеркнуть свой «ревизионизм», от которого его должен был излечить Муссолини, но и говорить о вырисовывающейся новой «политической линии», охватывающей Польшу, Венгрию, Австрию, Болгарию, Италию и — Германию. Так на протяжении нескольких недель меняется международно-политическая картина. Встают очертания мощного европейского блока, возглавляемого фашистской Германией. Вчера еще всеми «осужденный», зачумленный, изолированный германский фашизм не без надежды на успех ставит свою кандидатуру на роль гегемона континентальной Европы...

Конечно, было бы неправильно эту намечающуюся новую конъюнктуру считать уже завершившейся и окончательной. Быть может и даже весьма вероятно, предстоит еще не одно качание международно-политического маятника, еще ряд колебаний и изменений в группировке сил. Не потеряться в этой смене комбинаций, соглашений, сближений и расхождений, не стать жертвой политического импрессионизма, строящего всю линию своего поведения на конъюнктуре сегодняшнего дня, пролетарский социализм сможет лишь в том случае, если за сменой поверхностных сдвигов, ни на минуту не будет упускать из виду тех основных процессов борьбы дряхлеющего капиталистического общества за существование, которые пробивают себе путь через все временные и случайные сплетения действующих на международной арене сил. С этой точки зрения надо подойти к намечающейся новой международной конъюнктуре и оценить ее значение для дела мира и для судеб освободительной борьбы рабочего класса.

Если бы намеченная последними речами Гитлера и Муссолини перегруппировка сил осуществилась и приобрела прочность, это значило бы, что в руки германского фашизма перешла бы из рук Франции и ее союзников гегемония в «борьбе за мир», и что мир этот мог бы быть лишь фашистско-германским «миром». С точ-

ки зрения внутренне-политического положения стран континентальной Европы такой «мир» возможен лишь на основе окончательного порабощения и закабаления пролетариата новым «Священным Союзом» европейского фашизма. С точки зрения внешне-политической такой «мир» не должен быть направлен против Франции. Десятки раз уже Гитлер заявлял — и в этом можно ему верить! — что острие этого «мира» направлено не на Запад, а на Восток. Наряду с разгромом классового рабочего движения фашизм, застрельщиком которого выступает германский национал-социализм, желает утвердить мир и, вместе с тем, спасти капиталистическое общество от крушения за счет революционного Востока или, говоря конкретнее, за счет Советского Союза. Мы видели, что польские союзники Гитлера и не скрывают действительных методов его «мирной» политики. По отношению к Франции политика такого Священного Союза европейского фашизма заключалась бы — на первых порах, по крайней мере, — в том, чтобы сделать ее не жертвой этого «мирного» похода против Советской страны, а его соучастницей. И было бы непозволительным самообольщением думать, что такая перспектива совершенно нереальна. Ход общественно-политической жизни Франции показывает, что и в этой стране полутравековой демократии имеются в капиталистической буржуазии силы, которые были бы не прочь мечем фашизма разрубить Гордиев узел тех безвыходных затруднений, в которых бьется теряющий жизненную

силу капитализм. Только упорной, страстной борьбе сознательного рабочего класса Франции обязана Европа тем, что первый натиск французского фашизма на республику отбит, а вместе с тем предотвращена пока опасность коренной переориентировки французской внешней политики в духе «фашистского мира». И только в дальнейших успехах французского рабочего движения в его борьбе за власть и социализм заключается самая подлинная, самая реальная, можно сказать, — единственно реальная гарантия безопасности Советского Союза.

Такое положение ставит не только французский, но и весь международный социализм в необходимость отдать себе ясный отчет в той роли, которая падает на него в борьбе за мир, означающий не закабаление трудящегося человечества, а его освобождение. Но еще больше обязывает оно советский большевизм к продуманной, ясной и революционной международно-пролетарской политике. Знаменитые слова Сталина показывают, насколько советские диктаторы далеки от такой политики. Но именно своим полным несоответствием такой политике они сыграли все-же полезную роль. Они вплотную поставили перед пролетарским сознанием проблему мира и войны. Они и в коммунистических рядах дали толчок работе мысли в этом направлении, которая бесследно не пройдет. Но об этом придется поговорить в другой раз и в другой связи.

Знамение времени

Декретом 25 мая ЦК ВКП постановил «согласиться с предложением Пленума и Президиума Совета Общества старых большевиков о ликвидации Общества». Декретная форма этого извещения о скоростной смерти общества, конечно, никого не введет в заблуждение не может. Как впадшему в немилость турецкому визирю добрых старых времен, и обществу старых большевиков ничего не оставалось, как, в свою очередь, «согласиться» повеситься на том шелковом шнуре, который милостиво прислал ему султан-Сталин. Организация, концентрировавшая в себе революционные и социалистические традиции старого большевистского подполья, подверглась разгрому и «приказала долго жить».

Конечно, бывают обстоятельства, когда самые почтенные традиции движения, в свое время бывшие живой творческой силой его, становятся силой консервативной, омертвляющей движение, препятствующей его развитию в новых условиях. И несомненно, что и в среде старых большевиков-подпольщиков не могут не иметься элементы такого консерватизма, выросшие в условиях кружкового существования партии, кружковых задач и кружковой борьбы и оказавшиеся уже неспособными подняться на уровень новых, гигантских масштабов движения. Но не за этот консерватизм кружкового мышления громит Сталин старый большевизм. Этот консерватизм для него не опасен. Ведь, он сам стоял во главе Общества и через своего подручного Ярославского диктаторствовал над ним, никогда и ни в чем не встречая отпора и помехи: не было случая, чтобы Общество не откликнулось на любые, самые шальные мероприятия сталинской диктатуры так и в такой форме, в какой ему было предписано свыше.

Нет, не за традиции кружкового консерватизма громит Сталин организацию старого большевистского подполья! Он громит ее за те другие — революционные и социалистические традиции большевизма, средоточием и живым воплощением которых она невольно стала и которые и вынужденным молчанием своим вопиют про-

тив «Сталинского» курса, чем дальше, тем решительнее ведущего к единодержавию Сталина, но и тем решительнее порывающего с интересами, требованиями, настроениями, чувствами и сознанием советского и международного рабочего класса.

Мартов как-то обмолвился в одной из своих статей пророчеством, что настанет время, когда русский большевизм, в силу логического развития его политики, очутится на крайнем правом фланге международного рабочего движения, и та эволюция, которую, по указке Кремля, проделывают теперь вожди кое-каких коммунистических партий Европы, как будто подтверждает это предсказание Мартова. Но сталинский курс грозит «перекрестить» это предсказание. Он грозит увести формируемую им по своему образу и подобию партию просто за пределы пролетарского социализма. Поэтому, чем дальше, тем больше в течение этого социализма без различия становятся для него одинаково ненавистной помехой, подлежащей искоренению. Социалисты, анархисты, синдикалисты, большевики всех «не-сталинских» оттенков—все одинаково становятся жертвами его беспощадной репрессии. Корреспонденция, помещенная в этом номере, говорит о массовых арестах политкаторжан. Декрет 25 мая идет еще дальше и начисто ликвидирует весь старый большевизм.

Ибо именно об этом идет речь. Ликвидация Общества старых большевиков символизирует решительный разрыв Сталина не с консервативно-кружковыми, а с революционно-социалистическими традициями старого большевизма, создателем, вождем, знаменосцем которого был Ленин. По случаю десятилетия смерти Ленина наш орган (передовая в № 2 за 34 год) писал:

Диктатура в ее сталинской формации держится и будет держаться за «ленинизм», как за то евангелие, с которым она пришла к власти и которое освящает ее революционными традициями. Она будет держаться и за замурованный в стеклянном гробу труп Ленина, как за мощи святого, бросающие и на нее мистический свет. Но образ Ленина, как он, обвеянный легендой, входит в народное сознание символом

революционных воспоминаний и революционных надежд трудящихся масс, — этот образ современная диктатура начинает все больше ощущать, как не только чуждый, но опасный и враждебный ей. И потому-то приложит она все усилия, чтобы десятилетия годовщина смерти Ленина была посвящена не столько оживлению его памяти в массах, сколько культу все того же великого, гениального, непогрешимого Сталина. То, что в сознании масс осталось **живым** от Ленина, поворачивается через десять лет после его смерти против сталинской диктатуры...

Революционно - социалистические традиции Ленина и старого большевизма поворачиваются против Сталина, и Сталин поворачивается против них. В лице Общества старых большевиков «повар, умеющий готовить только острые блюда», мстит набальзамированному Ленину за его завещание, берет реванш за претерпленные обиды. В этом — значение разгрома Общества, этим самым разгром приобретает характер подлинного «знаменения времени».

НА ХОЛОСТОМ ХОДУ

Среди новшеств в Советском Союзе, о которых не было ни газетных «шапок», ни широкоэшелонных статей, заслуживает внимания новое оживление в печати специального и систематически ведущегося отдела «На партийные темы» (он же «Отдел партийной жизни»). Этот отдел появился не только в Ленинградской и Московской «Правде», но и во всех газетах советской провинции. Бросается это в глаза не только потому, что за годы генеральной линии вопросы хозяйственной жизни Союза и кривые выработки чугуна или угля, сводки сева или уборки хлеба вытеснили все «партийные темы», но и потому, что содержание этого от-

Разрыв с старым большевизмом — это в высшей степени важная веха на пути, по которому стремительно несется сталинский курс, увлекая за собою в пропасть и большевистскую партию, и русскую революцию. Остановить этот гибельный бег, повернуть руль революционного корабля и направить его в русло классового рабочего движения — на этой задаче должны сомкнуться единым фронтом все течения, все оттенки, все группы пролетарского социализма. И, порывая со всеми ними одинаково, своими свирепыми репрессиями диктатор, быть может, — как это уже не раз и не в одной России бывало и бывает! — в душных камерах своих тюрем и в глухих углах ссылок сам кует этот спасительный единый фронт, предпосылку возрождения, успехов и побед классового пролетарского движения в Советской стране.

Ф. Дан.

дела на фоне бравурной шумихи остального газетного материала — невольно приковывает к себе внимание читателя.

Еще задолго до появления постановления ЦК ВКП «о создании отделов партийных кадров и секретариатов в 63 горкомах партии» («Правда», 28 марта) центральный орган компартии исподволь прорабатывал вопрос о необходимости, «несмотря на достигнутые успехи», усилить внутрипартийную работу, напоминая о соответствующей директиве 17 съезда ВКП. Но до убийства Кирова эти напоминания не находили как будто отклика среди широких масс партийного актива, который про-

Америка 1935

(Путевые впечатления)

Все так же ярко горят разноцветные огни световых реклам на Бродвей, все так же сказочными башнями высятся на вечернем небе силуэты небоскребов, все так же бесконечными волнами изливается из отверстий подземной дороги поток людских тел, все так же не устанно гудит немолчный, неухающий ни днем ни ночью, рокот 42-ой улицы, — но человека, выдавшего Нью-Йорк и Америку десять и пять лет тому назад, не могут обмануть эти внешние симптомы показного благополучия.

Кто видал Америку в период «процветания», в эпоху наивысшего под'ема, тот не может не замечать бесчисленных признаков упадка, понижения уровня жизни, замедления темпа. Ослабело железнодорожное движение, реже стали ходить экспрессные поезда, уменьшился состав вагонов, а на юге сплошь да рядом вместо пульмановских, клубных и салонных вагонов железнодорожные кампании стали пускать хитроумные комбинации, соединяющие в одном вагоне и салон, и вагон-ресторан и Пульман. Вокзалы пестрят огромными плакатами, возвещающими о понижении почти вдвое железнодорожного проезда, и на американских железных дорогах, кичившихся до сих пор отсутствием классов (все вагоны были «первого» класса, т. е. с бархатными мягкими сидениями, дорожками и т. п.) фактически установилось разделение на классы, в зависимости от тарифа. В отелях, некогда блиставших свежестью, лаком и позолотой, появились слабые, правда, но бесспорные признаки

поношенности. И хотя по прежнему безукоризненно свежо подаваемое каждый день чистое постельное белье, но уже кое-где виднеются заплатки, и уже не так тщательно велика груда простых и мохнатых полотенец, которые находишь в ванной комнате, обязательно примыкающей к каждому номеру гостиницы. Очень расширена и улучшена сеть автомобильных дорог, строительство которых входит в программу «общественных работ», но в городах почти не видны новостроящихся зданий (за исключением Нью-Йорка, где как-раз за годы кризиса в сердце Нью-Йорка выросло «Радио-сити» — целый городок гигантских небоскребов; Чикаго, где успели построить и разрушить гигантскую коллекцию зданий Всемирной Выставки; и Сан-Франциско, где строится величайший в мире мост через морской пролив). Все так же еще необозрим поток автомобилей, заливающий в утренние и вечерние часы улицы всех американских городов, по прежнему одной из наиболее жгучих «проблем» в американской провинции является вопрос о том, где поставить автомобиль на время театра или собрания, — но после Парижа в Америке приезжего наблюдателя поражает отсталость и анахроничность автомобильных типов: только изредка попадаются автомобили новейшего, «аэродинамического профиля», огромное же большинство автомобилей старого типа и устаревшего образца. Да, прошли золотые времена, когда уважающие себя американские провинциалы каждый год или два меняли свои автомобили, и с

должал жить в чад одержанных хозяйственных побед, все больше укрепляясь в настроениях «либерализма» и «благодушия».

В широких кругах компартии 17 съезд был воспринят, как некий исторический привал: впервые за годы генеральной линии ВКП подвела на нем итоги проделанной работы по строительству и осталась «зеленой» достигнутыми результатами. Пусть ее пресса и преувеличивала размеры достигнутого, когда криливо твердила на всех перекрестках, что «здание социализма вчерне нами уже построено», но факт оставался фактом: годы неслыханных лишений и страданий, годы напряженнейшего ударного труда миллионов начали уже давать реальные плоды. Разве это не означало, что «мифу» об «объективных условиях» нанесен был смертельный удар? И изо всех концов Союза шла возбужденная и радостная переключка «строителей пятилетки», основным политическим содержанием которой стала вторая часть припева «Дубинушки»: «Зеленая сама пойдет, сама пойдет!» Да, зеленая, крестьянская страна теперь уже сама пойдет! — если это не пели в действительности, то этими настроениями были проникнуты десятки тысяч руководителей строительства, эти настроения были разлиты в советском воздухе, под этот бодрящий мотив новая «знамя» намеревалась в серьез начать жить.

В этой обстановке убийство Кирова по произведенному им на руководителей компартии впечатлению может сравниться только с Кронштадтским восстанием. Но за кронштадтскими повстанцами компартия в свое время почувствовала вздыбившуюся деревню, а за убийцами Кирова — ее потрясенному сознанию правильно почувдился советский город, начиненный взрывчатым веществом каких-то новых противоречий. Да, неблагополучным оказался именно советский город, арена безраздельного господства всемогущей компартии,

тот самый город, который на протяжении всех лет революции терпеливее деревни сносил и голод с разрухой, и новый голод, вызванный строительной лихорадкой. Неблагополучными оказались сами коммунисты. Отсюда понятно и содержание новой волны террора, направленного по адресу «зиновьевско-троцкистского охвостья», против бывшей, будущей и всяческой оппозиции. Своим острием террор на этот раз был направлен против собственных партийных организаций. Заработали передовики «Правды»: «Нет более противного зрелища, чем вид большевистского простофили, как обезьяна повторяющего о бдительности, но ничего не предпринимающего для того, чтобы по-настоящему оградить интересы партии и государства». Посыпались издевательства по адресу легковерных коммунистов, поверивших собственной же прессе и рассматривающих хозяйство Союза, как «сплошное социалистическое плато», забывая о том, что еще не только недобиты «остатки кулачья», но и наблюдается «процесс образования, хотя и в незначительном количестве, новых капиталистических элементов» в стране. («Правда» от 29 марта). А между тем, если верить «Правде», «Комсомольской Правде» и провинциальной прессе — коммунисты благодушествуют, партийные билеты только что не валяются в мусорных ящиках: приходи всякий и запасайся ими! Словом, «партийное хозяйство» за годы генеральной линии пришло в такое запущенное состояние, что только громадным напряжением сил можно будет вновь его наладить. Для этого, между прочим, сейчас и организована во всесоюзном масштабе под видом обмена старых партийных билетов на новые своеобразная скорострельная свертка.

Коммунистическая идеология не только на Западе, но и внутри Союза вступает в полосу кризиса, вырастающего на почве приспособления внешней политики Союза к потребностям дружеских отношений с капитали-

горестной улыбкой вам показывают на счетчике число проделанных миль: в годы благополучия автомобиль продавали после 40 тысяч миль, а нынче счетчик показывает 80, а то и все 100.

**

Да, многочисленны и многообразны признаки упадка в этой стране, бывшей некогда символом непрерывного подъема и процветания. Десять лет тому назад меня высмеяли, когда я стал справляться о сапожнике, чтобы заказать новые подметки для моих европейских ботинок. Новые подметки вам будут стоить 2,50-3 доллара, а за 4 вы имеете новые ботинки. Стоит ли возиться? А нынче на каждом углу механические починочные мастерские, в которых вам набивают набойки и делают новые подметки за то время, что вы, сидя в кресле, успеете прочитать газету.

Об этом упадке еще гораздо красноречивее и убедительней, чем личные, поневоле поверхностные наблюдения, говорят повествования старых знакомых и статистические данные. Эти статистические данные общеизвестны: производственный индекс за время кризиса упал до 40% и за последние два года с небольшими колебаниями в ту или иную сторону держится на уровне 60%. Безработица выросла до гигантских размеров, достигнув до 15-20 милл. Эксперимент Рузвельта понизил количество безработных, но тем не менее оно и сейчас достигает по достоверным оценкам (точной статистики не имеется) 7-12 милл. Особенно ужасно было положение безработных в первые годы кризиса, до лета 1933 года. Пособия безработным не выдавались,

и от голодной смерти их спасали только подачки различных благотворительных обществ, религиозных сект и т. п. Рассказы старых знакомых дают живые, иногда потрясающие иллюстрации к статистическим данным. Вот знакомый, выбившийся в свое время из рабочих в люди с средним достатком; он потерял во время биржевого краха все свои сбережения, и всю зиму должен был ютиться с малыми детьми в нетопленных комнатах, без крошки угля. Вот другой, квалифицированный рабочий, полтора года ходивший безработным, не получая никакой поддержки, распродавший и заложивший все свои вещи и обнищавший до последней степени. Вот пожилой бухгалтер, 25 лет проработавший у разных фирм, а ныне безработный, доедающий последние крохи своих сбережений и не имеющий даже одного шанса на сто когда-либо снова получить место или заработок. Вот, наконец, молодые люди, сыновья и дочери старых товарищей, окончившие школы и университеты и годами околачивающиеся без возможности найти какую-либо службу или заработок.

**

Наиболее тяжелым временем, о котором неохотно вспоминают, являются первые годы кризиса, до введения НРА. Гордая своими традициями «свободного» капитализма, Америка и в момент тягчайшего кризиса и массовой нужды упорно не хотела признавать вмешательства государства в хозяйственную жизнь, обязательства помогать безработным, и прочих «европейских» выдумок. Бесконечными «очередями» голодные люди обивали пороги благотворительных учреждений;

стическим миром, а во внутренней политике — на почве вновь и вновь вскрывающихся противоречий между политикой построения «социализма в одной стране» и необходимостью уступок крестьянству. Достаточно, однако, вчитаться в постановление Ленинградского горкома ВКП «О задачах партийно-организационной и политически-воспитательной работы» («Правда», 30 марта), которое легло в основу постановлений горкомов по всей провинции, чтобы понять, что кризис этот ЦК компартии собирается лечить старым, «испытанным» методом — организационным подтягиванием своего партийного аппарата. Вот почему постановление Ленинградского горкома столько места посвящает необходимости вернуться к забытой за годы генеральной линии «практике закрытых партийных собраний» и создать «отделы партийных кадров», в которых партия смогла бы иметь свой «резерв выдвижения». Для политической проверки своих членов рекомендуется усиление «внутрипартийной работы» и преодоление ненормальной практики, создавшейся за последние годы, когда эта внутрипартийная работа была оттеснена «оперативной, хозяйственной и советской работой». Центральное место в этой «внутрипартийной работе» должно занять — «изучение истории партии», особенно в «послеоктябрьский период», на предмет усвоения «тактики и приемов борьбы нашей партии со всеми антипартийными группировками». И авторы постановления доходят до полного бюрократического иступления, когда заранее, так сказать, на весь ближайший исторический период, регламентируют — количество часов, которое активы городских парторганизаций должны посвящать проработке решений пленума ЦК компартии!

Чтобы понять то политически-новое, что содержит в себе постановление Ленинградского горкома и аналогичные решения горкомов провинции, нужно прежде

запуганные нуждой, не охраняемые никакими социальными законами, рабочие шли на какие-угодно условия предпринимателей: девушки-портнихи работали в Пенсильвании за 5-6 долл. в неделю; белые текстильщики на юге вынуждены были переходить на «негритянскую» оплату в 10-12 долл. В массах назревало настроение отчаяния, в политических кругах царили растерянность и хаос.

В этот момент действительной революцией явились мероприятия Рузвельтовской администрации. Миллионам безработных стали выдавать из государственных и местных средств пособия, соответствующие по своим размерам приблизительно минимальной заработной плате, в большинстве отраслей промышленности установлен обязательный минимум заработной платы и максимум рабочих часов в неделю, и т. п. Государственная власть наложила свою руку на экономику. Покупательная сила населения поднялась, усилился импульс к производству, промышленный индекс поднялся до 70% и после колебаний вверх и вниз, держится сейчас приблизительно на высоте 60% уровня 1929 г.

Популярность Рузвельта в этот период достигла необычайных размеров. Широкие массы населения с энтузиазмом поддерживали его «революционные» мероприятия против нападков и оппозиции заскоружных консерваторов и своекорыстных капиталистов. Настроение отчаяния и возмущения сменились новой волной оптимизма.

Сейчас (март-апрель 1935) от этого бывшего энтузиазма и оптимизма уже немного осталось. Заслуги Рузвельта признаются еще попрежнему. Сознание, что он спас страну от катастрофы и хаоса, прочно укорени-

всего разобраться в той обстановке, в которой находится компартия в результате крупных хозяйственных успехов. За годы генеральной линии в порядке почти «организационного самотека» выдвинулись десятки и сотни тысяч энергичных работников. Не приверженность идеям социализма даже в их коммунистическом оформлении являлась предпосылкой для приема их в члены компартии, а текущая практическая работа в советском и хозяйственном аппарате. Легкость приема в компартию объяснялась острым недостатком в вышколенных партийных кадрах, могущих руководить развертывающимся строительством. Парткомы в эти годы превратились в своеобразные «воинские призывы», едва успевавшие регистрировать новобранцев. Но вот годы строительной лихорадки позади, страна вступила в полосу «освоения» созданного. И тут оказалось, что внутри трехмиллионной коммунистической партии есть две — на манер черного и белого духовенства — категории коммунистов: одни — это партийцы в узком смысле слова, другие — инженеры, техники, хозяйственники. Одни, не имея никакой специальности, в годы генеральной линии были «толчками» строительства — грозили, требовали, доставали нужные материалы и людей и в свободное время занимались коммунистическим «богословием»; другие — работали на производстве, мало занимались «политикой», но зато многие успели получить специальное высшее образование. По мере роста строительства надобность в партийных толкачах стала уменьшаться, «штурмовщине», в организации которой эти толкачи часто показывали себя мастерами, нет объявлен поход. Опекать начальников домен и шахт нет надобности, они сами имеют партийный билет в кармане, да и не потеряют опеки. С другой стороны, создан огромный партийный аппарат, организован большой человеческий материал, который надо занять, чтобы он не расплылся, не «забузил» и т. д. Усиление

дось в самых широких кругах населения. Но исчез оптимизм насчет будущих возможностей. Никто не мыслит себе уже Америки без «релифа» (пособие безработным). Уже не верит никто в новый подъем, новую «просперити». «Нам уже больше никогда не будет жить так волготно и богато, как в годы 1920-29», — таково господствующее настроение. Золотой век позади!

***

Вообще, психологические и идеологические изменения, произошедшие за годы кризиса, не менее значительны, чем материальные сдвиги и разрушения, вызванные кризисом. Все мировоззрение среднего американца в корне потрясено и революционизировано.

До кризиса все было ясно и просто. Америка была в представлении среднего обывателя — в особенности иммигранта из Европы — страной неограниченных возможностей и непрерывного материального подъема. Проблема кризиса казалась ему, по опыту мимолетной депрессии 1920 года, легко разрешимой задачей, страшной лишь для отсталых стран, вроде европейских государств, истощенных войной и национализмом, страдающих от перенаселения. То-ли дело Соед. Штаты с их неисчерпаемыми естественными ресурсами, с их гигантской территорией, с их здоровым, молодым, не останавливающимся ни перед чем народом, с их непревзойденным техническим и организационным талантом! Тут непрерывность подъема казалась обеспеченной, и Форд и Хувер были непререкаемыми пророками «просперити», и «человек с Бродвея» сверху вниз смотрел на нищую неуклюжую, неумелую Европу. Эта вера в себя была

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ!

«внутрипартийной работы», заведомо без конкретизации целей, во имя которых эта внутрипартийная работа должна стать основным занятием партийцев, пытается исподволь переориентировать свой партийный аппарат, освободить его вмешательства хозяйственное руководство.

О, конечно, «Правда» никогда этого не скажет вслух, но ведь вот именно так и были восприняты новые постановления в массе партийного актива провинции. Секретарь Азовско-Черноморского Крайкома Шоболдаев в одном из своих недавних докладов так и сказал, что у нас сложилась ненормальная обстановка, при которой «секретари партийных организаций превратились в директоров второго сорта» («Молот», 21-го апреля). Правда, другой секретарь того же Крайкома, Малинов, протестовал против «такой, с позволения сказать, — установки, что сейчас надо перестать заниматься хозяйственной работой и заниматься чисто партийной работой» («Молот», 23-го апреля). Но и у Малинова красной нитью сквозил весь доклад проходила идея необходимости разграничить деятельность хозяйственных и партийных работников, чтобы каждый на своем месте, «каждый на своем участке выполнял с величайшей добросовестностью порученное ему дело».

Разноголосица в понимании политического содержания нового постановления об усилении внутрипартийной работы характерна отнюдь не только для Ростов-

ской организации. На пленуме Куйбышевского Крайкома секретарь его Шубриков («Волжская Коммуна», 22-го мая) жаловался на то, что в связи с новым постановлением «некоторые товарищи отрешаются от оперативного руководства хозяйственной, общественной и советской работой». Шубриков предостерегает от такого «перегиба в другую сторону». И, откликаясь на новое слово «вождя», он спешит приветствовать «беспартийных большевиков», которые «принимают руководящее участие в той гигантской работе, которую мы сейчас проводим». Шубриков забегает даже несколько вперед: «мы должны принять на себя большую вину перед партией, перед ЦК нашей партии», за то, что из этого огромнейшего беспартийного актива «мы не смогли выдвинуть достаточно людей на руководящие посты советской, общественной и хозяйственной работы». Как заразительны жесты начальства!

Чем внимательнее присматриваешься к процессам, происходящим сейчас внутри компартии, тем отчетливее вырисовывается картина какой-то организационно-политической растерянности. Партия явно вступила в какой-то новый, переходный период своего развития. Но переход к чему? Этот вопрос остается, по видимому, еще нерешенным окончательно для коммунистического руководства, которое пытается поэтому пока перевести свой гигантский аппарат на холостой ход.

В. Александрова.

так велика, что еще зимой 30-го года, когда кризис был уже в сущности в полном разгаре, правительство Хувера пыталось бороться с ним еще при помощи «самовнушения»: на улицах висели огромные плакаты, уверявшие американских граждан, что «в Америке кризиса быть не может, и что дела снова пойдут хорошо, если только американцы не поддадутся «не-американской» панике.

От этой веры в себя и в свое американское превосходство над «гнилой Европой» теперь ничего не осталось. Опыт последних годов показал американскому обывателю, что и американская экономическая система подвержена тем же губительным потрясениям, что и капитализм Европы, и он на самом себе испытал все губительные и унижительные последствия этих потрясений, без всякой уверенности в том, что они не повторятся в ближайшем будущем. Наиболее характерным для настроения рядового американца является, пожалуй, именно отсутствие всякой уверенности в завтрашнем дне. Никто не знает и не берется сказать, что же будет дальше? Когда же наконец жизнь снова войдет в «нормальные рамки»? Когда же снова наступит эпоха процветания, и наступит ли она вообще когда-либо?

На почве этой неуверенности и растерянности как грибы после дождя вырастают всевозможные социальные движения самого своеобразного типа. Америка сейчас классическая страна социального утопизма, золотое дно для социальных шарлатанов и демагогов.

***

Некоторые из них, как «знаменитый» диктатор Луизианы, сенатор Юи Лонг, представляет собою американ-

ское издание гитлеризма: под прикрытием социального шарлатанства самого примитивного пошиба подготавливается фашистская диктатура. Однако сила Лонга (а он на предстоящих президентских выборах 1936 года будет одним из наиболее сильных кандидатов) заключается не в пропаганде «сильной власти» или других политических лозунгов, а в его борьбе против «богатых», в его обещании «поделить все богатства». Его социальная программа конкретно заключается в требовании конфисковать в пользу государства все состояния выше «трех или четырех миллионов долларов». Из образовавшегося таким образом фонда (Лонг сосчитал, что это даст 170 млрд. долл.) каждому из 20 милл. американских фермеров будет выдано 5.000 долл. (домик, автомобиль, радио и т. п.).

На принципе «дележа богатств» построена и агитация второго наиболее влиятельного сейчас социального демагога, католического патера Коглина. Этот дегройтский «радио-патер», до последнего времени избегавший прямого общения с массами и обращавшийся к своим слушателям исключительно по радио, приобрел себе огромную популярность среди американского мещанства своими страстными филиппиками против богатей и основанными на Евангелии требованиями поделиться с бедными и неимущими. Число слушателей, по радио присутствующих на его проповедях, доходит, как уверяют в Америке, до 20 миллионов.

Более серьезный и менее утопический характер носит агитация Таунсенда в Сан-Диего (Калифорния). Таунсенд предлагает ввести всеобщее страхование всех граждан обоюго пола, достигших 60-летнего возраста. Каждое такое лицо, независимо от своего имущества

ОТЛИЧНИКИ

В рабочей среде появилась новая категория пролетариата — отличники. Это новое явление весьма характерно для новой стадии советского строительства, оно, так сказать, «созвучно эпохе».

Ударничество — было рычагом, которым советская власть осуществляла сверхударные планы первой пятилетки, отличничество призвано реализовать задания второй пятилетки. Вокруг нового лозунга уже разгорелась борьба между органом крупной индустрии «За Индустриализацию» и органом профсоюзов — «Труд». Хозяйственники всецело поддерживают кампанию за отличничество, а профсоюзники, не решаясь на открытую оппозицию, доказывают, что не следует создавать новых категорий, противопоставляющих себя «мощному движению ударников». Как это всегда бывает в стране советской диктатуры, спор был разрешен в недрах ВКП, и «Правда», в основном поддержала хозяйственников, давши директиву партийным организациям: взять на себя руководство движением ударников-отличников, поставивших борьбу за качество продукции на первый план.

Итак, для того, чтобы уменьшить брак, улучшить качество продукции и вообще поднять качество труда рабочих, решено создать новый рычаг — отличничество.

Дело, конечно, не в том, что ударничество будто-бы ставило своей задачей — борьбу за количественные достижения, а отличничество — борьбу за качественные показатели. Мы можем привести выдержки из десятков договоров о соревновании за прошлые годы, из которых будет очевидно, что ударники всегда ставили своей целью не только количественное перевыполнение плана, но и снижение брака и уменьшение себестоимости. Верно, что по своим результатам ударничество до сих пор имело большие успехи в области

темпов, но почти не добилось ничего в отношении качества продукции. Но сейчас, когда количественные показатели в основном достигнуты, можно было бы попытаться «переключить» ударников на борьбу за качество, как за основную цель. Казалось бы проще опираться на уже мобилизованные и соответствующе воспитанные массы ударников, чем создавать новое движение.

Но в том то и дело, что старое оружие столь износилось, что для успешной борьбы за качество надо создать в спешном порядке новое.

В первые годы пятилетки, ударничество мобилизовало хоть небольшую, но проникнутую революционным энтузиазмом часть рабочего класса. И при постройке Днепростроя, тракторных заводов или Турксиба ударники-коммунисты и некоммунисты — героически вынесли на своих плечах основную тяжесть строительства, его лишения, голод и холод, и в значительной мере определили высокие темпы.

Но первая пятилетка оказалась выполнена: заводы и рудники выстроены, а романтические надежды пионеров-ударников остались не реализованы: социалистический рай вновь отодвинулся в туманную даль. Это создало, особенно в среде молодежи, острое разочарование. Но и самые громадные размеры строительства потребовали вовлечения в движение ударников миллионов рабочих масс, интересующихся в своей повседневной жизни раньше всего потребностью иметь средства к существованию для себя и своей семьи. Распоряжением властей ударничество постепенно оказалось связано с весьма существенными материальными выгодами: лучшие обеды, квартира в заводском доме, ордер на платье и обувь, путевки в дома отдыха, билеты в театр и т. п.

И тогда-то вокруг ударничества постепенно произошел процесс вырождения, рассасывания. Блага, предоставляемые ударникам были столь минимальны и столь

ного и семейного положения, должно получать от государства пенсию в 200 долл. в неделю, но особыми бонами, или деньгами, имеющими силу только в течение месяца. Деньги, не истраченные в течение того месяца, за который они уплачены, теряют свою силу (Мера, предпринимая для того, чтобы предотвратить тесавирование и заставить получателя ее непременно истратить в течение короткого срока). Гигантские суммы, необходимые для осуществления этого страхования, Таунсенд предполагает собрать путем постоянного 2-процентного налога на все сделки, и покупки, совершаемые на территории Соед. Штатов. Соответствующий законопроект уже внесен в парламент, на многотысячных митингах восторженные приверженцы устраивают овации Таунсенду, и из ряда местностей поступают сообщения, что много пожилых людей, твердо уверенных в торжестве Таунсендского плана, начинают проживать свои последние сбережения.

Характерно и не случайно, что все эти социальные утопии, рассчитанные на привлечение обывательских, мещанских, мелкобуржуазных масс (а по своей психологии к этим слоям надо причислить в Америке и широкие массы рабочих), построены на реформе распределения, а не прорыве в а: это все типично потребительские утопии. И лишь движение бывшего социалиста знаменитого романиста Уптона Синклера, выступившего из Соц. Партии и основавшего особое «Общество Утопистов», включает в себе элементы муниципального производственного социализма. Это движение, вступившее в союз с буржуазной демократической партией и опирающееся на организацию «Эпик» (энд поверти ин Калифорния — покончить с нищетой

в Калифорнии), имело довольно большой избирательный успех в Лос-Анджелесе и собирается теперь от локальных задач перейти к общегосударственным (под названием Эпиа — энд поверти ин Америка) и стать таким образом четвертым утопическим движением в Соед. Штатах, не считая доброй дюжины более мелких Лиг, Союзов и Организаций, имеющих своей похвальной целью при помощи специально изобретенных основателями мер раз навсегда покончить с нуждой и кризисом.

**
*

Идейный разброд и состояние растерянности, охватившее за последние годы массы американского населения, проявляется с особой силой и в специфических формах в тех социальных исканиях, которые сейчас так характерны для американской интеллигенции.

Процесс социальной дифференциации привел за последние годы в Соед. Штатах к образованию обширного класса интеллигенции, многими своими чертами напоминающего интеллигенцию европейского и даже до-революционно-русского типа (на американском языке получило даже право гражданства самое слово *intelligentsia* — «интеллигенция» в его русской транскрипции). В этой молодой нации, еще совсем недавно состоявшей из «деловых людей» или квалифицированных рабочих, лозунгом которых было «время — деньги» и полное пренебрежение к какой-бы то ни было «идеологии», за десятилетие после войны, а в особенности в годы кризиса народилось целое сословие «дохматых», поставивших себе целью жизни самое не-американское

необходимы для всякой сколько-нибудь сносной человеческой жизни, что они постепенно, всякими путями, распространялись на значительную часть рабочего класса. Благодаря давлению, оказываемому рабочей массой, понемногу сложилось положение, при котором ударниками оказались 60-70% всех рабочих. По данным профсоюзов в промышленности и в транспорте числилось ударниками на конец 1933 года свыше 5 миллионов рабочих. Достаточно было предприятию выполнить план (конечно — только количественно), чтобы все его рабочие были зачислены в ударники. Имеются отрасли даже не выполнившие план, напр., цементная, числящие на своих предприятиях свыше 72% ударников.

«Правда» в передовой от 29 апреля указывает, что ударничество охватило половину рабочего класса. Следствием такого охвата миллионов было два обстоятельства: во-первых, ударничество, еще недавно считавшееся ценным преимуществом, в 1935 году стало обычным явлением, имеющим место в каждой рабочей среде, и, во-вторых, размеры самих благ, даваемых ударникам, заметно уменьшились, так как продуктов не стало хватать на миллионы. На некоторых заводах, напр., «Красный Пролетарий» (Москва), ударников разделили на группу А, дающую материальные преимущества и на группу Б, без всяких преимуществ. В печати изредка стали появляться даже сообщения о том, что ударникам вообще не выдавали обещанных премий.

По всем указанным причинам, теперь, когда стало необходимо разрешить проблему качества продукции, советская власть не могла просто привлечь к новой кампании миллионы ударников, а оказалась вынуждена вновь выделять из ударников первой степени ударников второй — отличников.

Отличничество родилось несколько месяцев назад на авиационном заводе им. Менжинского. Несколько сот рабочих ударников обязались сдавать продукцию только отличного и хорошего качества. Теперь, после цир-

куляров ВЦСПС, приказов по индустрии и директив ВКП, «движение» отличников существует почти на всех крупных заводах.

В противоположность бывшему движению ударников отличничество почти свободно от романтического энтузиазма. Есть в нем некоторая доля советского патриотизма: работать не хуже чем в Европе! Но в основном отличничество построено на стремлении рабочих получить заработок больше среднего рабочего той же квалификации.

«Сколько зарабатывали ранее? — спросил отличника Фролова тов. Орджоникидзе. — Примерно 500 руб. в месяц. — А в феврале сколько заработали? — 820 руб. — А в марте? — 850 руб. — А апрельский заработок? — Надеюсь получить около 900 руб.». Бывали случаи, сообщает газета, когда отличники зарабатывали в месяц и свыше 1000 руб.

В результате беседы Серго с отличниками, нарком дал распоряжение, по которому не только рабочие-отличники, но и мастера и инженеры, руководящие отличниками, должны оплачиваться по более высоким ставкам, чем обычные рабочие и рабочие-ударники.

Такое же содержание и постановления президиума ВЦСПС.

Революционного пафоса в отличничестве почти нет. И не только потому что героический период строительства уже позади. Не меньшую роль играет и то обстоятельство, что массовым натиском и жертвенным напряжением легче добиться количественных результатов, чем высокого качества. Вылезть из прорыва, дать рекордные темпы, поставить против стихии природы стихию масс — можно путем жертвенного энтузиазма и отказа от нормального отдыха и необходимейшего сна. Но дать продукцию хорошего качества и давать ее при этом хорошего качества всегда, изо дня в день... для этого нужны знания, навык, квалификация и соответствующая организация производства. На это оказываются

и не-деловое занятие: поиски мирозерцания, поиски правды. Это та часть американской интеллигенции, которая оказалась «лишней» на пире жизни, которую перепроизводство врачей, адвокатов, учителей, докторов философии и «мастеров искусств» лишило в эпоху кризиса всякой надежды устроиться и стать на рельсы упорядоченной буржуазной жизни в этой стране, бывшей некогда страной непрерывного «просперити», «страной самого Господа Бога».

Этой новой интеллигенции, более утонченной и рафинированной, чем рядовой обыватель, уже и раньше был не по вкусу тот дух плоского самодовольства и туповатого самолюбия, который был столь характерен для мировоззрения американского «выскочки» эпохи под'ема.

В эпоху жесточайшего кризиса настроение неудовлетворенности, разочарования и протеста разрослось и углубилось до идейного бунта против всего, что раньше составляло сущность так наз. американизма. Появились нигилистические, революционные, бунтарские искания. Широкой волной разлилось среди интеллигенции настроение неопределенного радикализма: старые боги, приведшие к катастрофе и хаосу, были свергнуты. На их место стали ставить новых, и чем «левее», революционнее, радикальнее, тем лучше. Если-б в Америке было налицо сильное социалистическое рабочее движение, то весь этот поток революционной энергии хлынул бы в рабочую партию, усиливая ее позиции. Но в Соед. Штатах Америки по ряду исторических и иных причин социалистическое (и коммунистическое) движение находится еще в зачаточном состоянии; профессиональное же движение идейно застыло на консервативных по-

зициях, ни в малейшей степени не «созвучных» настроениям интеллигенции. Процесс «радикализации» американского пролетариата чрезвычайно отстает от этого процесса в среде интеллигенции, и это взаимоотношение чрезвычайно характерно для современной политической ситуации в Америке. Интеллигенция много «левее» и «революционнее» пролетариата.

В то время, когда интеллигенция в своих довольно широких слоях увлекается коммунизмом, большевизмом, социализмом и всякими другими «измами»; в то время, как органы печати, обслуживающие интеллигенцию (еженедельники, вроде Нейшен, Нью-Рипоблик, и целого потока других, вновь возникших левых журналов, ежемесячные «толстые журналы» и т. п.) объективно все левые, и большевизанство («салонный коммунизм») является в них большой модой; в то время, когда даже «желтые» иллюстрированные еженедельники с миллионными тиражами, рассчитанные на «средние классы», все чаще и чаще помещают статьи на темы о социализме, коммунизме, Сов. России и т. д., — в это самое время в широких массах промышленных рабочих идейно-политический сдвиг еще еле-только намечается, и рабочие являются в Америке пока еще одним из наиболее консервативных классов.

Это парадоксальное для европейского глаза явление имеет, конечно, свои исторические корни, в которые я сейчас не могу углубляться. Но оно определяет тот специфический характер, который носит в Соед. Штатах Америки рабочее и социалистическое движение. Но об этом в следующей статье.

способны немногие, и часто совсем не те, кто горит еще и теперь гореть энтузиазмом социалистического соревнования.

Некоторую полезную роль отличничество все же сыграть сможет, переломив небрежное отношение к качеству продукции, сложившееся в среде и советских хозяйственников и советских рабочих. Но разрешить серьезнейшую и труднейшую проблему качества отличничество не сможет, уже потому, что эта проблема вплотную упирается в ряд «объективных условий», находящихся в СССР в таком загоне.

Низкая квалификация технического и рабочего персонала, очень тонкое и сложное новейшее оборудование, плохая организация труда, плохое качество сырья и топлива — все это факторы, играющие решающую роль при поднятии качества продукции.

Недавно Ф. Гладков написал повесть «Трагедия Любаша» («Новый Мир»), рисуящую быт рабочих ударников и обстановку борьбы за качество. Пламенный энтузиазм и революционное горение у некоторых ударников. Но вокруг целое море задетых самолюбий, звериной злобы и человеческой низости. По воле автора из этого жуткого потока затронутых мелких интересов энтузиасты все же выбиваются. Но возместить свою техническую неопытность, отсутствие на фабрике элементарного технического руководства и контроля над пускаемым в производство сырьем — они никак не могут, несмотря на все желание Гладкова выполнить социальный заказ.

Для того, чтобы завод давал продукцию хорошего качества, не годятся методы рекордменства, ударничества и работы «сверхчеловеческими рывками», нужен ровный режим налаженной, упорядоченной работы.

В первую очередь отличничество упирается в проблему оплаты труда.

Директор Макеевского завода Гвахария, поставивший сейчас свой завод на положение безубыточного, получил массу писем с запросом: «что перевернуло Макеевку?» Он ответил в «Правде» (20 мая) с поразительной отчетливостью.

«Главный рычаг, при помощи которого Макеевка подымается к небывалому расцвету: это заработная плата по новому!»

Далее он подробно рассказывает о том, как на заводе радикально изменена вся система зарплаты, все былые тарифы сломлены, заработок поставлен в прямую зависимость от качества работы всех участников производственного процесса, средний размер заработка рабочих значительно возрос, производительность труда обгоняет рост заработной платы.

Большинство директоров других предприятий, не имеющих, повидимому, благоприятных условий Макеевки, считают необходимым для повышения качества продукции увеличить фонд зарплаты, чтобы иметь резервы, из которых можно было бы оплачивать отличников. Директор одного из заводов (Станкостроительный завод в Москве) попытался поднять зарплату отличников за счет вычетов у тех, кто работает неудовлетворительно, но встретил сопротивление со стороны профсоюзов. «Нельзя, мол, ломать расценки!» «Откуда же взять средства для поощрения отличников?», спрашивают многие директора предприятий.

Уже эти несколько примеров показывают, как тесно связан вопрос отличничества с системой и размерами оплаты рабочих.

В условиях советской России, где пролетариат совершенно лишен своих свободных организаций, где профсоюзы совершенно утратили даже тень независимости, очень велика опасность, что отличничество превратится в еще один метод интенсификации труда пролетариата без одновременного и соответствующего подема реальной зарплаты.

Но поднятия качества продукции, этой уже давно назревшей задачи, одно отличничество во всяком случае не разрешит.

Как мы уже указали выше, производство продукции высокого качества требует обеспечения предприятию нормального бесперебойного функционирования и целесообразной организации всего производства. И в первую очередь обеспечения всему рабочему персоналу, от чернорабочих до квалифицированных, какого-то, хотя бы минимального, но твердого уровня благосостояния.

Мы готовы повторить вместе с Гвахария: поднятие качества продукции находится в первую очередь в зависимости от разрешения проблемы зарплаты рабочего.

А. Югов,

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА

Почитать передовицы советских газет, послушать торжественные речи «вождей», так мы гигантскими шагами приближаемся к социализму, в сущности вступили уже в его первую стадию. Но вот в самом сердце социалистической промышленности творится что-то неладное и складываются отношения, меньше всего говорящие о социализме.

Для освещения этих отношений совершенно исключительный по яркости материала интерес представляет только что закончившаяся продолжительная и временами ожесточенная полемика между профсоюзным «Трудом» и промышленной «За Индустриализацию». В центре полемики — гигант транспортного машиностроения, завод «Красный Профинтерн» в Бежине. Творятся здесь подлинно чудовищные вещи. Еще в декабре прошлого года завод обследовала бригада ВЦСПС, результаты горестных наблюдений которой были следующим образом сформулированы в «Труде» (от 14-го декабря):

«Систематическое нарушение трудового законодательства стало системой работы администрации «Красного

Профинтерна». Штурмовщина, незаконные, без разрешения инспекции труда, сверхурочные работы, работа в выходные дни — такими средствами администрация завода систематически покрывает свое неправильное планирование производства.

Рабочий день отдельных категорий рабочих систематически удлиняется до 10, 12 часов. Практикуются массовые скрытые сверхурочные работы. Дни отдыха систематически объявляются рабочими днями, а отгулы за них не предоставляются. Оплата труда за сверхурочные работы, как правило, вообще не производится. Десятки рабочих по целым месяцам не имеют ни одного выходного дня...

А за неявку на сверхурочные работы администрация угрожает увольнением» (т. е., очевидно, увольнением за «прогул» или за «нарушение дисциплины!» — С. Ш.).

Особенно плохо обстоит с технической охраной труда:

«Кодекс законов о труде, правила техники безопасности обязательны для всех, кроме руководителей и цеховой администрации этого гиганта-завода. Пренебрежение к постановке технического надзора за проведением работ, теснота и захлапленность рабочих помещений, отсутствие ограждений движущихся частей машин,

безобразно формальное отношение к обучению рабочих безопасным методам работы привели к тому, что, по сравнению с прошлым годом, число несчастных случаев на «Кр. Профинтерне» увеличилось больше, чем на 21%. Травматизм растет из квартала в квартал: в 3-ем квартале несчастных случаев было вдвое больше, чем в 1-ом квартале этого года...

Может быть, у администрации завода не хватает средств для проведения мероприятий по охране труда и технике безопасности? Отнюдь нет: на 1934 год ассигновано было для этой цели 140 тысяч рублей, а за первые три квартала было израсходовано лишь 32.289 руб., т. е. менее четверти. «Таким образом», подчеркивает «Труд», «дело не в отсутствии средств, а в барски пренебрежительном отношении руководителей завода к охране труда рабочих».

И в качестве последнего штриха:

«Когда профорганизации завода пытались ставить вопрос об этих безобразиях, администрация обвинила их в срыве производственной программы — и они трусливо замолчали».

Бригада ВЦСПС «вскрыла безобразия», бюро Бежицкого горкома ВКП предписало администрации завода устранить их и — все остальное по старому.

Через четыре месяца ВЦСПС вновь должен был послать специальную бригаду на «Кр. Профинтерн». «Завод, где повседневно игнорируются законы о труде», — под таким заглавием появилось затем письмо бригады в «Труде» (от 11-го апреля). С декабря ничего не изменилось. В частности вакханалия сверхурочных приняла прямо легендарные размеры:

«В марте три выходных дня с разрешения завкома были объявлены рабочими днями для очистки заводской территории от мусора. В этом же месяце в цехе большегрузных вагонов и в механическом цехе рабочие совершенно не имели выходных дней. В цехе большегрузных вагонов бригады тт. Машечкина и Захаркина (35 человек) с 1-го февраля и по 20 марта ежедневно работали по две смены без выходных дней».

Причина всех бед, по заключению бригады, «в пренебрежении к «живому человеку», в недооценке значимости охраны труда, в непонимании связи между условиями труда и его производительностью. Дирекция и профорганизация завода... встали на путь выполнения плана за счет нарушения трудового законодательства».

ВЦСПС на этот раз решил проявить активность: секретариат ВЦСПС постановил командировать в Бежицу одного из секретарей ВЦСПС (Полонского) и заведующего инспекцией труда ВЦСПС и предложить президенту ЦК союза рабочих транспортного машиностроения выехать в Бежицу для принятия на месте необходимых мер. В «Труде» дважды сообщалось кроме того, что одновременно с Полонским на «Красный Профинтерн» выезжает «старший помощник прокурора республики тов. Деготь».

Казалось, все теперь пойдет нормальным порядком (т. е. тем порядком, который должен был быть нормальным). Но события развернулись совсем иначе.

20-го апреля «За Индустриализацию», до сих пор хранившая об этих событиях гробовое молчание, разразилась промовой статьей — «Дезорганизаторы». Может быть, иной наивный читатель подумает, что дезорганизаторы это те, кто довели завод до теперешнего состояния, превратив Кодекс законов о труде в жалкую бумажку, с которой на заводе никто не считается? О, нет. Дезорганизаторы это те, кто «н а р у ш а е т е д и н о н а ч а л и е» начальников цехов, игнорирующих трудовое законодательство, и борется со сверхурочными работами и с отменой выходных дней. О созданной в Бежице вокруг бригады ВЦСПС и инспекторов труда

атмосфере травли лучше всего можно судить хотя бы по следующей цитате из пресловутых «Дезорганизаторов»:

«Впервые за последние годы завод в марте перевыполнил программу. Настроение на заводе поднялось, у рабочих, мастеров, начальников цехов появилась твердая уверенность, что программа вполне выполнима. Тут-то немедленно объявились «помощники» из профсоюза».

С помощью таких аргументов кого только не запугаешь. «За Индустриализацию» теперь решительно бросилась в контр-атаку, явно заручившись чьей-то авторитетной поддержкой. Первым успехом «За Индустриализацию» была отмена поездки в Бежицу Деготя: «Помощник прокурора республики тов. Деготь в Бежицу не выезжает, так как это не вызывается необходимостью», с торжеством сообщил орган тяжелой промышленности (21-го апреля и еще раз — как не подчеркнуть лишний раз своего торжества? — 24-го апреля). Тщетно «Труд» приводил все новые и новые факты вопиющих нарушений трудового законодательства, тщетно отмечал, что и директор завода в результате поднятой кампании вынужден был объявить выговор ряду начальников цехов, а инспекция труда в свою очередь привлекала ряд лиц к ответственности в административном порядке. Тщетно секретарь ВЦСПС Полонский в выездной сессии ЦК союза рабочих транспортного машиностроения на «Кр. Профинтерне» подчеркнул, что «профсоюзы имеют все основания, чтобы предать суду ряд работников завода. Но тт. Фушман (начальник Главвагонпрома) и Штейн (директор завода) заверили, что эти нарушения будут твердо пресечены и обещали привлекать к строжайшей ответственности всех, кто не считается с трудовым законодательством» («Труд» от 24-го апреля), — и что только поэтому вопрос о привлечении к судебной ответственности работников завода снят с очереди. Обо всем этом читателям «За Индустриализацию» просто ничего не сообщалось, а общая пресса и тем более хранит гробовое молчание.

Полемика продолжалась с нарастающей остротой на страницах «За Индустриализацию», а «Труд» с начала мая явно спал с голоса и вскоре перестал откликаться на продолжающиеся выпады со стороны органа тяжелой промышленности. Но вот после двухнедельного молчания в «Труде» появляется неожиданная статья: «Навести порядок на заводе «Красный Профинтерн» (23-го мая).

Громкая статья (без подписи, т. е. редакционная!) полностью повторяет и даже заостряет все столько раз и так убедительно опровергнутые аргументы «За Индустриализацию», вплоть до пресловутого доносительского аргумента о том, что профруководители «вспомнили» об охране труда лишь тогда, когда план на заводе начал выполняться, и «начали борьбу с теми, кто повел оздоровительную работу на заводе». Чего-чего только тут нет: корреспонденции «Труда» из Бежицы «дезорientировали заводскую общественность»; борьба со сверхурочными была «беспринципной дракой вокруг отдельных задач охраны труда»; те, кто вел эту борьбу, «стали рупором самых отсталых элементов, объективно возглавив сопротивление перестройке завода»; собственные статьи «Труда» были «политически неправильны и вредны»; инспекция труда союза рабочих транспортного машиностроения действовала «в антигосударственных целях» и т. д., и т. д.

Что случилось? Ведь все эти аргументы уже приводились на страницах «За Индустриализацию» и так убедительно — и не раз — были опровергнуты на страницах «Труда». Ведь за те самые нарушения трудового законодательства, борьба с которыми сейчас объявлена государственным преступлением, ряд начальников цех-

хов и других хозработников были подвергнуты взысканиям. Ведь все эти вопросы обсуждались уже — и нашли свое решение — и в бюро Бежицкого горкома ВКП, и в выездной сессии президиума ЦК союза рабочих транспортного машиностроения, происходившей, кстати, в обстановке широкой гласности и при участии и директора завода, и начальника Главвагонпрома, и руководителей краевой организации ВКП. И повсюду критика, рупором которой стал «Труд», признавалась во всех основных пунктах правильной. А сейчас все оканчивается «наоборот»?

Разгадку принес на следующий день орган тяжелой промышленности. Из напечатанной здесь беседы по телефону с директором завода «Кр. Профинтерн» мы узнаем, что 23-го мая в газете «Бежицкий рабочий» опубликовано решение ЦК ВКП (стыдливо скрытое от столичной печати), в котором «дана резкая оценка заводским профорганизациям и инспекции труда ЦК союза транспортного машиностроения, которые вместо отпора вдохновителям анти-государственных тенденций заняли хвостистскую позицию», да заодно отмечено, что газета «Труд» «опубликовала ряд небольшевистских статей» о заводе «Красный Профинтерн».

После такого авторитетного разъяснения белое становится черным, черное белым, «Труд» сам себя сечет, «За Индустриализацию» бьет в литавры, а авторитет грудного законодательства возносится на совершенно недостижимую высоту.

С. Шварц.

ЗАГРАНИЦЕЙ

К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМУ КРИЗИСУ ВО ФРАНЦИИ.

Настоящий номер идет в печать, когда правительственный кризис во Франции, открытый падением министерства Фландена и продолженный кратковременным эпизодом кабинета, образованного Буиссоном и свергнутого при первой-же встрече с палатой, находится еще в полном разгаре. Течение и исход этого кризиса, являющегося симптомом той все более обостряющейся борьбы экономических, социальных и политических интересов, которую переживает ныне Франция, еще далеко не определились. Мы оставляем поэтому до следующего номера освещение этих драматических событий французской жизни.

ЗАСЕДАНИЕ ИСПОЛКОМА МФПС.

Состоявшаяся в Копенгагене с 21-го по 24-ое мая сессия Исполкома Международной Федерации Профсоюзов прошла под знаком борьбы против фашизма и военной опасности. Генеральный секретарь МФПС тов. Скевенелс в своем докладе о деятельности МФПС за истекший год подвел итоги широкой кампании по оказанию **помощи жертвам фашизма и реакции**. Всего на организацию помощи рабочим Австрии, Германии, Латвии и Испании (в отношении Германии речь шла главным образом о помощи эмигрантам, в отношении других стран о помощи на местах) МФПС было собрано более 11 миллионов французских франков, т. е. почти миллион рублей золотом, в том числе для одних австрийцев около 7,2 миллионов франков. Для внесения планомерности в организацию помощи все частные кампании помощи были постепенно объединены в «Фонде Маттеоти», совместно управляемом МФПС и Социалистическим Интернационалом и переименованном с начала 1935 г. в «Международный Фонд Солидарности». Деятельность Фонда не только содействовала смягчению нужды, особенно в десятках тысяч семей арестованных товарищей, но, особенно в Австрии и Испании, значительно содействовала и возрождению движения. В Испании в частности движение уже сейчас окрепло после октябрьского разгрома: очень тяжелым остается лишь положение союза сельско-хозяйственных рабочих, еще недавно являвшегося гордостью испанского профдвижения и насчитывавшего более 300.000 членов, а сейчас охватывающего лишь 50-60 тысяч рабочих; но прочие союзы, имевшие вместе около 500 тысяч членов, насчитывают уже вновь до 400 тысяч, причем процесс восстановления и укрепления их продолжается и в

частности в Астурии наблюдается значительная тяга к социалистическим союзам в среде рабочих, еще недавно находившихся под влиянием анархистов. Организационно менее оформлено движение в Австрии, но и здесь уже тяжелая депрессия, господствовавшая в первые месяцы после февральского разгрома, преодолена. Скевенелс имел возможность сослаться в своем докладе на секретный циркуляр австрийского министерства внутренних дел, обращенный к местным органам полиции: «Согласно секретным донесениям, полученным канцелярией канцлера, реорганизация «свободного» профессионального движения достигла значительного успеха. Передают, что вновь регулярно собираются членские взносы и даже клеются марки. Число членов профсоюзов достигло будто бы 300.000, причем самой сильной оказывается организация железнодорожников». Даже если допустить здесь некоторое преувеличение со стороны авторов секретных «донесений», общая картина движения в Австрии оказывается гораздо более благоприятной, чем это еще недавно можно было ожидать. И только в Германии (и, повидимому, в Латвии) разгром движения сказывается до сих пор со всей силой и лишь в самое последнее время начинают приходить сообщения о проблесках нового подъема массовой активности.

Исполком МФПС принял в закрытом заседании ряд решений, которые должны облегчить восстановление профдвижения в фашистских и полуфашистских странах, и в открытом заседании единогласно одобрил предложенную англичанами резолюцию об усилении анти-гитлеровского бойкота в качестве средства борьбы против германского фашизма.

При обсуждении вопроса о борьбе за мир и докладчик тов. Жуо, и многие ораторы, выступившие в прениях, подчеркивали, что борьба за международную организацию мира неотделима от борьбы за разоружение и что система региональных пактов может быть поддержана рабочим классом лишь если она входит органической частью в международную организацию мира. В целях усиления борьбы с военной опасностью Исполком поручил Бюро МФПС образовать совместно с представителями Исполкома Социалистического Интернационала комиссию, которая должна наметить ряд конкретных мероприятий на случай, если угроза войны примет непосредственный характер или если внезапно начнутся военные действия.

Обсудив подробно программу работ предстоящей (в июне) **Международной Конференции Труда** и наметив линию поведения рабочих делегатов на конференции, Исполком перешел к вопросу о едином фронте и **восстановлении международного единства профдвижения**. Во время дебатов по этому вопросу обнаружилось некоторое расхождение в оттенках между англичанами и французами: англичане (Ситрин) выражали сомнение в возможности в ближайшее время вести переговоры с русскими профсоюзами; французы (Жуо) проявили несколько больший оптимизм. Присутствовавшие в качестве гостей норвежцы пытались расчистить почву для переговоров между МФПС и Профинтерном. В результате оживленных прений была единогласно принята резолюция, подтверждающая вновь резолюцию, принятую Исполкомом МФПС в августе 1934 г. в Веймуте и решительно высказывавшуюся против единого фронта и за восстановление международного единства в рамках МФПС, и подчеркивавшая в то же время, что МФПС «готова вести любые переговоры, которые могли бы содействовать единству профдвижения» при условии откровенности и лояльности участников переговоров, признания МФПС основой восстановления международного единства профдвижения и признания, что восстановление международного единства профдвижения неразрывно связано с восстановлением единства в каждой отдельной стране. В этой несколько расплывчатой резолюции есть кое-что новое, и в этом, может быть, ее значение. Это новое в подчеркнутой готовности к переговорам с Профинтерном, ограниченной несколькими условиями, значение которых остается пока не вполне ясным.

В ЭСТОНИИ.

Нам пишут:

Положение у нас сейчас весьма неопределенное, и политика правительства далеко не ясна. Обещают создать какое-то «Учредительное Собрание», но особого состава. Пока же суррогатом парламента является «Государственный Хозяйственный Совет», в котором на 25 членов имеется и 2 представителя рабочих. Люди, по своему высокому положению достаточно хорошо осведомленные, уверяют, что режиму Пята скоро придет конец, но какая группа заменит его, остается неясным. Поговаривают о возможности «военного» правительства. В области-же внешней политики и Эстония, и Латвия, как можно судить на основании многих признаков, поддаются под влияние Польши, а тем самым и Германии.

Очень силен национализм: в немецких и русских журналах и газетах разрешается употреблять только эстонские гео-

графические наименования; в рекламных объявлениях, плакатах, товарных этикетках, кинематографических картинах и т. д. не-эстонские надписи и названия не допускаются; всячески поощряется, а у чиновников, офицеров и др. прямо вымогается перемена не-эстонских фамилий на эстонские. В общем-же замечается сильное подражание латвийским образцам. Отсюда и некоторые элементы зуботычины в правительственной политике: «государство заботится о рабочих, рабочие должны стать частью государственного организма», пишет, напр., газета «Кайя», орган Пятса.

При всем том можно с уверенностью утверждать, что массовой базы у правительства нет. Конечно, оно старается опираться на крестьянство, но именно массовое, мелкое крестьянство относится к правительственной проповеди весьма скептически, т. к. экономическое положение его отнюдь не улучшается. По постановлению министра внутренних дел все политические партии должны были окончательно закрыться к 20 марта, и бюро пропаганды лезет из кожи вон, чтобы создать «Отечественный Союз», как монополюющую правительственную партию. Но члены этого Союза в деревнях все еще состоят единственно из б. членов аграрной партии, полицейских, волостных писарей и т. д., а в городах — из чиновников. Идут в Союз и бывшие фашисты («вабсы»). Но массы держатся в стороне.

Рабочие в нынешнем году становятся более активными, чем были в прошлом. Симпатий к правительству в их среде совершенно нет. Но нет и политической организованности. Влияние коммунистов и социалистов пока весьма слабо, но можно отметить некоторое укрепление марксистского, лево-социалистического крыла.

Положение профсоюзов тяжелое. Союзам сельских рабочих и рабочих сланцевых копей отказано в праве на деятельность в виду того, что одной из задач в их уставах указано — развитие классовой сознательности. Вопрос этот, однако, решено еще раз пересмотреть после возвращения главы государства из отпуска. Собрания профсоюзов то разрешаются, то нет. Все зависит от случайности и капризов местных властей. Но и в общей политике по отношению к профсоюзам намечается в среде правительства двойственность: то их собираются запретить, то, наоборот, берется курс на их сохранение и привлечение к работе государственного переустройства.

12 мая состоялся съезд профсоюзов, который раньше долго не разрешали. Было 114 делегатов. Большую группу на съезде составляли «беспартийные профсоюзники» из бывших социалистов, но разошедшихся с официальной партией, и почти равную ей группу — так наз. «марксисты». Вновь избранное руководство оказалось по своему составу весьма пестрым. Официальные социалисты отказались в него войти. Из марксистов вошли двое.

Наблюдается за последнее время довольно много забастовок, но чисто экономического характера. Надо при этом отметить, что забастовки вспыхивают не на фабриках, а в мелкой промышленности или в отраслях преимущественно ручного труда. Так почти по всем городам прокатилась волна забастовок среди сапожников, работающих на скупщиков и торговцев. Забастовки эти кончались в большинстве случаев победой рабочих и заключением коллективных договоров. Победой и коллективным договором закончилась и забастовка печников. Частичной победы добились рабочие каменоломень. Сейчас идут забастовки строительных рабочих. В результате этих забастовок замечается усиленный приток членов в руководящие ими профсоюзы: сапожников, портных, строительных рабочих и т. д.

ВНЕШНЕЕ РАБОТСТВО РЕНЕГАТА.

(Отголоски австрийского восстания).

Февральское восстание австрийских рабочих (1934 г.) явилось одним из наиболее трагических и наиболее героических событий в истории социалистической борьбы последних лет. После бесславного поражения германского рабочего класса, в лице своих обеих больших партий — с.-д-тии и коммунизма — не сумевшего оказать отпор фашистской контр-революции, революционная энергия австрийской с.-д-тии и — особенно — беззаветное мужество австрийского с.-д-ского штурмбунда были восприняты международным пролетариатом, как «обетование грядущей победы».

В коммунистической печати эта революционная реабилитация с.-д-тии вызвала чувство величайшей тревоги. Противопоставить героизму с.-д-тии революционное мужество австрийской компартии оказывалось невозможным. Не только потому, что австрийская компартия всегда была совершенно незначительной организацией и не могла поэтому сколь-нибудь заметно влиять на ход событий. Но и вследствие крайней политической беспомощности компартии, которая, как партия, в решающие февральские дни просто оказалась в не-

тях: о деятельности руководителей компартии в дни восстания не только тогда, но и до сих пор ничего не известно, не говоря уже о том, что никто из них ни в какой мере не пострадал ни во время восстания, ни во время последовавшей за ним расправы с повстанцами. А наиболее активные рядовые члены компартии, повидимому, просто влились во время боев в с.-д-ские ряды.

Но с тем большей энергией коммунистическая печать занялась оклеветанием австрийской с.-д-тии. Пароль был дан «Правдой» еще 13-го февраля, т. е. одновременно с первыми сообщениями о начале восстания. А затем кампания развернулась чрезвычайно широко и в международном «плане».

Особую роль в этой кампании должны были сыграть штурмбундовцы, попавшие в СССР. В последние месяцы широко распространяется на русском и немецком языках книжка **Гейнца Рошера** о февральских боях во Флорисдорфе, одном из пролетарских предместий Вены, где Рошер был начальником штурмбунда. Книжка эта, ничтожная сама по себе, не заслуживала бы того, чтобы о ней писать здесь; но этот типичный образец коммунистической литературы об австрийском восстании случайно дает возможность с полной наглядностью показать механику создания чудовищных коммунистических легенд о февральском восстании, распространению которых коммунистическая печать уделяет столько внимания.

После восстания Рошеру удалось бежать в Чехословакию, и по прибытии в Брүнн он составил для Заграничного Бюро австрийской с.-д-тии в письменной форме подробный доклад о событиях во Флорисдорфе. Доклад этот не предназначался для опубликования; автор его был поэтому свободен от соображений о необходимости о многом умалчивать, чтобы не повредить арестованным товарищам. Доклад этот поэтому очень близок к действительности, от которой Рошер уклоняется, повидимому, иногда лишь для того, чтобы смягчить свою ответственность за ряд тяжелых промахов, допущенных во время боев во Флорисдорфе, и переложить ответственность за них на того или иного из подчиненных ему младших командиров.

Но этот доклад Рошера находится в кричащем противоречии с книжкой, написанной им почти год спустя в Советском Союзе. Дело не в различной оценке событий; это было бы еще с пол-беды. Речь идет о глубоком противоречии между фактическим изложением событий в Рошеровском докладе и в его книжке. А это уже совсем плохо.

В майской книжке австрийского «Кампф» эти фактические противоречия между докладом и книжкой Рошера показаны на ряде примеров с чрезвычайной наглядностью. Размеры нашего журнала не позволяют нам останавливаться на этом подробно, тем более, что события, о которых идет речь, менее знакомы русскому читателю, чем читателю «Кампфа», и поэтому ряд деталей потребовал бы на страницах «С. В.» слишком пространных комментариев. Ограничимся поэтому лишь одним примером, в котором говорится к тому же о событии, хорошо известном и нашим читателям.

Речь идет о защите громадного, населенного рабочими жилищного комплекса, так назыв. дома им. Карла Маркса. Это был один из пунктов самой ожесточенной борьбы. Согласно заранее разработанному плану, Флорисдорф, находящийся в 2-х километрах расстояния от д. им. К. Маркса и особенно богатый людьми и оружием, должен был в первый же день борьбы послать для усиления защиты дома им. К. Маркса значительный отряд. Это сделано не было. Вот как развивались события согласно первому докладу Рошера:

Вечером 12-го февраля Рошер отсылает своих людей спать, «так как мне было ясно, что дело кончится не скоро». Штурмбундлеры были размещены по частным квартирам близ штаба, чтобы в любой момент можно было их созвать. «В 10 ч. вечера все было готово для успешного вооруженного сопротивления. В то же самое время на другой стороне Дуная, вокруг дома им. К. Маркса шел бой чрезвычайно упорный и ожесточенный. Непрерывно трескали пулеметы, непрерывно раздавались разрывы ручных гранат. Я считал необходимым послать на разведку вооруженный патруль... Патруль вернулся около 3 часов ночи с сообщением, что в Хейлигенштадт (где расположен дом им. К. Маркса) штурмбундлеры являются господами положения».

Это сообщение патруля — если оно только верно передано Рошером, в чем сейчас, после обнаруженных Рошером качеств, можно сомневаться, — не отвечало действительности: защитники дома им. К. Маркса с громадным напряжением крайне недостаточных сил отбивались от правительственных войск, но о том, чтобы они были господами положения в районе, не могло быть и речи.

Но вот книжка Рошера. О том, что он посылает своих людей спать, здесь, конечно, нет и речи (да и кто мог в эти часы спать?). Но хуже другое: посланный им патруль вернулся будто бы с сообщением, что «штурмбундлеры являются в доме им. К. Маркса господами положения и отказываются от какого-либо подкрепления!»

Так очевидной выдумкой Рошер пытается маскировать тот факт, что в решающий момент он оказался не на высоте положения. Флорисдорфские шутцбундлеры проявили в ближайшие дни чудеса мужества, но начальник их не оправдал возлагавшихся на него надежд. С тем болей энергичней и беззащитней обливает он сейчас грязью вождя партии и шутцбунда и пытается представить себя уже давнишним решительным противником основной линии политики австрийской с.-д-тии. Все это, конечно, выдумки, носящие иногда исключительно низкий характер. Об одном стоит упомянуть особо. Как известно, австрийское правительство, стремясь вызвать дезорганизацию в рядах повстанцев, сообщило во вторник 13-го февраля по радио о бегстве Отто Бауэра и Юлиуса Дейча. Даже фашистская пресса давно уже отказалась от этой лжи. Но для Рошера сейчас все средства хороши: «Как сообщали, он (Дейч) уже во вторник днем бежал». «Сообщение», на которое здесь ссылается Рошер, это — заведомо для Рошера ложное — официальное сообщение. Рошер сам хорошо знает, где в этот и последующие дни находился тов. Дейч, и непосредственно после февральских боев он сам держал себя по отношению к Дейчу (и Бауэру) совсем иначе. Когда т. Дейч после своего бегства приехал в Брюнн и явился в помещение, где были размещены бежавшие из Австрии шутцбундлеры, от имени последних приветствовал его в горячей речи, проникнутой чувством глубокой верности с.-д-тии и шутцбунду и личной привязанности и преданности самому Дейчу, — Гейнц Рошер. Сейчас он с подлинным рвением ренегата сжигает за собой корабли, выступая в роли «достоверного» лжесвидетеля против австрийской с.-д-тии.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Французские гости. — «Как сон». — Мужественный Сталин. — «Воинское братание». — Закат М. Горького? — Разгром «Академии». — Крутые времена. — Расправа с неблагонадежными большевиками. — Аресты и ссылка. — Соловки — центр туризма. — «700 р. миллиметр». — Наша жизнь.

Французский визит был для нас, конечно, настоящим событием. Но не ждите от меня сколько-нибудь подробных и интересных сообщений об «историческом» свидании. Для нас французские гости находились как бы на другой планете. Мы видели их, когда они проезжали по улицам или присутствовали на торжественных спектаклях. Но никакой возможности встретиться и поговорить с кем-либо из них не было ни у кого, кроме самого ограниченного и заранее намеченного узкого круга самых высоких сановников. Даже у весьма видных коммунистов не было решительно никаких точек соприкосновения не только с официальными французскими делегатами, но и с журналистами, приехавшими в таком большом числе. Таким образом, все, что удавалось слышать и узнавать в связи с французским визитом помимо официальных сообщений, проходило не то что через три или четыре, а через десять и больше рук, пока попадало к таким простым смертным, как наш брат. Не удивительно, что материал слухов, процеженный через столько сит, мало поддается проверке, а, главное, чрезвычайно скуден. Лишь кое-что, через ряд передаточных звеньев, доходило до меня из французских журналистских кругов. Но, повидимому, и сами эти круги, за время своего пребывания в Москве, были весьма мало осведомлены о политической стороне визита и о ходе переговоров. И притом по двоякой причине.

Во-первых, говорят, французские журналисты жаловались, что никогда еще ни на одной международной конференции и ни при одном международном свидании они не были так отрезаны от своего министра иностранных дел и его официальной свиты, как в Москве. Их поселили в «Национале», а Лавалю и прочим официальным лицам отвели помещения в особняке Наркоминдела. Таким образом никакого «бытового» контакта между представителями французской прессы и представителями французского правительства не было и быть не могло. Официальные же заседания и совещания происходили в Наркоминделе и в Кремле, куда прессу не пускали. Ловить Лавалю и его спутников и узнавать хоть что-либо помимо официальных сообщений журналисты могли лишь в антрактах театральные представления и паузах парадных пиришеств. Но точно так же не было им никакого доступа для частных разговоров и интервью и к нашим сановникам: все оказывалось «занятым», никто не имел времени принять их. Говорят, будто лишь один какой-то из французских корреспондентов — называю имя Пертинакс — был удостоен краткой частной беседы Ворошилова. О том же, чтобы французские журналисты могли войти в частный контакт

с кем-либо кроме сановников, хотя бы с писательской братией, разумеется, не могло быть и речи. Да вряд ли кто-нибудь у нас и решился бы на свой страх пуститься в такое рискованное дело, как попытка свидеться частным порядком с представителями иностранной печати: всякий понимает, чем это может пахнуть при случае! Так вышло, что вся наша «общественность» фигурировала перед иностранными гостями единственно в лице приставленных к ним Лапинского и Уманского, да Радека, принимавшего будто бы даже кое-кого из них и у себя на дому.

Но, помимо такой изоляции журналистов от всякого политического общения, был пущен в ход и обычный по отношению ко всяким делегациям трюк, разработанный у нас до тонкости: хлебосольные хозяева позаботились о том, чтобы у них по-просту и времени не было для удовлетворения их профессиональной любознательности. «Два с половиной дня в Москве промелькнули, как сон», сказал будто бы один из видных представителей французской прессы. Точнее было бы, быть может, говорить не о сне, а о бессоннице. Люди, так или иначе прикосновенные к гостям «Националя», говорят, что им буквально охнуть не давали, о чем усердно заботился новый «церемониймейстер» Наркоминдела Барков, сменивший на этом посту известного Флоринского, смещенного и сосланного, кстати сказать, около года тому назад за гомосексуализм. Как началось парадным завтраком, данным Бухариным, с обильными возлияниями, так все их время, с 8 утра и до поздней ночи, было по часам распределено на всякие осмотры, посещения, приемы, спектакли и угощения, так что еле-еле удавалось им выкроить несколько минут, чтобы заехать на телеграф и сдать очередную депешу в свою газету. Гостеприимство оказалось столь широким, что, уверяют, закорюченные и заласканные гости, буквально все, вопреки всем различиям и даже противоположности их политических установок, одинаково уехали пораженными, восхищенными, очарованными и всем виденным, и самими хозяевами.

Понятно, почему при таких условиях политическая информация французских корреспондентов не могла быть чрезмерно богатой. Все-же из их кругов передают кое-какие подробности о том, как попала в официальное сообщение поразившая многих здесь (надо думать, и у вас?) фраза о том, что Сталин понимает и одобряет французские вооружения. Говорят, что Лаваль приехал с твердым намерением добиться так или иначе одергивания французских коммунистов. Но задача эта представлялась ему весьма трудной и деликатной. Ему во всяком случае и в голову не приходило требовать гласного и личного заявления самого Сталина в этом смысле. Предварительные разговоры его с Литвиновым создали у него впечатление, что добиться хоть чего-либо положительного в этом направлении будет вообще нелегко. И он был буквально поражен, когда сам Сталин предложил, если то нужно, сделать заявление в желательном смысле самолично, так как де это будет и самым простым, и самым действительным! Подлинная формулировка Сталина была будто бы даже еще гораздо ярче и определеннее: не «понимает и одобряет», а — «приветствует». Но тут уж дипломаты Наркоминдела наши, что это будет — «через чур», и в канцелярском порядке округлили и сгладили чрезмерно экспансивные слова вождя. Неудивительно, что, по сообщениям из тех-же журналистских кругов, Лаваль пришел в восхищение от Сталина и не раз, в частных разговорах, противопоставлял его прямоту и мужественную решительность робости и вялости Литвинова и других советских дипломатов. Еще бы! Попробовал-бы бедный «папаша» Литвинов быть столь прямолинейно-решительным, как великий Сталин, которому некого бояться!

Неожиданное выступление Сталина, разумеется, произвело удручающее впечатление на многих старых большевиков и вызвало немалое недоумение в кое-каких кругах комсомольской молодежи. Но об этом шушукуются лишь самым тихим шопотком. В широких-же слоях это выступление воспринимается, в общем, как нечто должное и само собою разумеющееся. Весь французский визит был воспринят здесь широкими массами, как своего рода воинское «братание». А вся печать, все официальные речи и сообщения, как и демонстративное посещение военно-авиационного лагеря — все было в эти дни пущено в ход для взвинчивания патриотических чувств. Наше большое и малое коммунистическое начальство всячески поддерживает эту атмосферу во всех учреждениях, подхлестывая воинствующий патриотизм славословиями по адресу нового франко-русского союза. Но, поскольку приходится наблюдать вокруг себя и слышать впечатления самых различных наблюдателей, в массах признают этого специфического патриотизма имеется мало — даже среди молодежи и ударников. Скорее приходится констатировать, что все чаще встречаешь людей, у которых назревает прямо-таки кака-то холодная ненависть и ко всему режиму, и лично к Сталину. Ненависть эта перевешивает все другие чувства и соображения. И порою кажется, что, если война все

же обрушится на нас, — весь режим взлетит на воздух.

Говорят, будто некоторые французские журналисты обратили внимание на отсутствие и полную непричастность **Максима Горького** ко всем торжествам. На свои вопросы они получали в ответ: Горький стар, устал, болен. А у нас с некоторого времени поговаривают, будто звезда Горького вообще начинает закатываться: ему будто бы категорически отказали в разрешении снова отправиться на некоторое время в его любимое Сорренто, и вообще в отношении к нему повеяло холодком. Обращает на себя внимание, что вот уже три дня прошло со времени всех нас потрясшей катастрофы воздушного гиганта его имени, а он все еще не удосужился как-нибудь откликнуться на эту трагическую гибель.

Ничего невероятного в этих слухах о пошатнувшемся положении Горького нет. Ведь, он был председателем издательства «Академия», заместителем председателя которого состоял сугубо опальный ныне **Л. Каменев**. Издательство подверглось разгрому, а на возглавивших его видных коммунистов посыпались суровые кары. Так отправлен в ссылку заставивший технической частью издательства **Ионов**. Особенно же жестоко пострадал редактор отдела мемуаров и документов, старый большевик и известный историк партии **Невский**. В особую вину было ему поставлено появление в редактировавшейся им Библиотеке Мемуаров нашумевшего Невского избранных произведений протопопа Аввакума. Несмотря на многовековую давность, пламенные обличения старообрядческого первоучителя оказались и сейчас не ко двору. Книга признана вредной и уничтожена. Что случилось с Гурьевым, редактировавшим писания крамольного протопопа и сопроводившим их комментариями и вступительной статьей, не знаю. Невский же арестован. Говорят, будто жена его в отчаянии покончила самоубийством.

Крутая расправа с такими видными большевиками, как **Ионов** и **Невский**, вполне соответствует духу времени. Никола еще внутри-партийный большевистский режим не был таким свирепым. Убийство Кирова послужило тут как бы гранью. До этого убийства были какие-то признаки начинающегося смягчения и общего, и внутри-партийного режима. Кончавших сроки политических ссылки все чаще начинали отпускать на все четыре стороны. Коммунистов, привлекавшихся по делам с политическим оттенком, взяла под свое покровительство ЦКК: она добивалась и добила того, чтобы ГПУ немедленно освободило ее от всех таких дел и дало ей возможность следить за их ходом. Эта инициатива ЦКК и послужила толчком к формальной ликвидации ГПУ. После убийства Кирова атмосфера радикально изменилась. Начались массовые высылки «нежелательных элементов»: из Ленинграда выслано уже, говорят, до 30.000 человек, из Москвы до 60.000. Одновременно начался настоящий поход против всех старых деятелей рабочего движения и социализма, не захотевших, не успевших или даже просто не имевших случая на деле доказать свою «стопроцентную» преданность Сталину. В них видят элемент, вокруг которого могут собираться и сплачиваться все недовольные, критикующие и хотя бы просто брюзжащие, и который может стать поэтому при случае опасным. Их громят поэтому беспощадно в превентивном, так сказать, порядке. Против них пущена в ход система самой уточненной провокации, жертвами которой становятся зачастую люди, давно уже превратившиеся в сущности, в обывателей, но как-нибудь неосторожно вздохнувшие о добром старом времени, когда правил Ильич, а не Сталин, и когда они, старые большевики, не были отставными сановниками «не у дел». Даже общество политкаторжан не пощажено в этом походе: за последнее время арестовано до 30 его членов. Кстати, раз я заговорил уже об учреждении и обществах: совершенно разгромлен арестами Психотехнический Институт. Известный специалист по психотехнике **Шпильрейн** арестован и сослан в Туруханский край, где, по имеющимся сведениям, заболел цынгой. Между прочим, в особую немилость впади почему-то историки, пачками арестуемые и высылаемые в Сибирь.

Какова судьба наших партийных товарищей в этой атмосфере травли подозрительных по оппозиционности или недостаточной преданности Сталину режиму, вы знаете: окончание срока ссылки теперь снова в 9/10 случаев означает новый арест и новое «дело» с перспективой новой ссылки. Но все чаще приходится слышать об арестах и ссылке не только старых анархистов и синдикалистов, давно примирившихся с режимом, сросшихся с ним и занимавших даже видные посты, но и коммунистов, русских и иностранных. Сведения эти, разумеется, отрывочные, случайные и неполные. Но все же сообщу, хоть и в беспорядке, те имена и данные, которыми сейчас располагаю в этой области. Так отправлена на 3 года в Верхне-Уральский политизолятор, в качестве «троцкистки», **Зоя Уншлихт**, сестра известного чекиста и недавнего начальника гражданской авиации. В тот же политизолятор, но на 5 лет, посажен Александр **Таратута**, сын покойного ныне, но некогда игравшего в большевистской

Новые книги на складе

«Социалистического Вестника»

ARTHUR ROSENBERG : «Geschichte der Deutschen Republik». 264 Seit. Preis in Leinen Frs 38.50; Kart. Frs 32.—.

LEOPOLD FRANZ : «Die Gewerkschaften in der Demokratie und in der Diktatur». 72 Seiten. Brosch. Preis Frs 9.—.

VERSE DER EMIGRATION. Gesammelt von **Heinz Wielek**. 120 Seiten. Brosch. Preis Frs 12.48.

DEUTSCHE FLUESTERWITZE : «Das Dritte Reich unterm Brennglas». Gesammelt und eingeleitet von **Joerg Willenbacher**. 88 Seiten. Brosch. Preis Frs 10.50.

партии весьма видную роль Виктора Таратуты. По обвинению в троцкизме сослан на 3 года на Урал и югославский коммунист **Вуйович**. Арестован также бывший троцкист, дважды «кающийся» **Г. Андрейчин**, работавший в последнее время в Интуристе. Из анархистов и анархо-синдикалистов арестованы и сосланы Кидава (на 5 лет в Карелию), **Шуриев** (с завода Амо), **Бармаш**, недавно окончивший 6-летнюю ссылку, **Аскаров** и др. Особый интерес представляет арест итальянского синдикалиста **Гаджи** и известного анархиста **Сандомирского**. **Гаджи** сослан в Яренск, жена же его, русская, «за недонесение об анти-советском направлении мужа» — на 3 года принудительных работ в Казакстан. **Сандомирский** же сослан на 3 года в концлагерь в Мариинске Томской губернии с принудительными работами в тамошних совхозах ГПУ. Надо сказать, что этому Мариинскому концлагерю предназначается роль распределительного пункта и центра управления северными лагерями и принудительными работами: он должен заменить в этом отношении Соловки. Ибо **Соловецкие концлагери упраздняются**. Соловецкие острова, славящиеся, как известно, своими природными красотами, решено превратить в центр туризма: с валютной точки зрения это, очевидно, прибыльнее!

Поговорю еще о нашей обывательской жизни здесь. В центре разговоров, разумеется, метро. Оно возбуждает недовольство дороговизной: 50 копеек в один конец, т. е. на поездку туда и обратно приходится тратить рубль в день. Но дороговизна эта не удивительна: наши статистики-остраки вычислили, что постройка обошлась — «в 700 рублей миллиметр», как говорят теперь в Москве. Но возбуждает некоторые сомнения и солидность постройки: в станционных помещениях появились уже кое-где трещины, ходит слух, что грозит обвал на Арбатской площади, где осела земля и т. д.

Положение с продовольствием у нас в Москве, по видимости, значительно улучшилось: можно достать без труда «все». Надо только не забывать, что «все» это доступно весьма немногим категориям. В булочной **Филиппова** имеются теперь все довоенные сорта хлеба, но и цена на эти роскошные сорта роскошная: от 2 до 6 рублей за кило. У **Елисеева** тоже все можно достать, но масло стоит 28-30 р. кило, мясо 10-15, икра 45-50, сыр бакштейн 25, бутылка крымского вина 8 р. и т. д. Обилие продовольствия объясняют в значительной степени сильным сокращением экспорта. Но отчасти наблюдается не столько увеличение продовольственных фондов, сколько их, так сказать, перемещение. Так, с переносом украинской столицы в Киев, там теперь можно «все» достать. Зато сильно ухудшилось в этом отношении положение в Харькове. Вообще же из Украины сообщают, что положение с продовольствием там очень тяжелое, и особенно туго приходится семейным.

Вообще же нужно сказать, что быстро растущее неравенство в условиях жизни бьет прямо в глаза: одни имеют все, другим приходится туго, чем когда-либо. Развивается какая-то погоня за обогащением, за возможностью достать все блага жизни, но в первых рядах этих обогащающихся мы видим уже не эппанов, а известные категории людей из хозяйственного, советского и партийного аппарата. В молодежи наблюдается разочарование в машинизме, недавно бывшем предметом такого поклонения, и критически-саркастическое отношение ко всему строительству вообще. Молодежь, особенно молодежь, вышедшая из деревни, старается, как можно скорее, уйти подальше от заводов и машин и найти себе место в какой-либо канцелярии, где можно скорее «выбиться в люди». Вообще же люди все больше черствеют, чувство солидарности исчезает, всякий думает лишь о себе. Даже

в рабочих семьях случается, что каждый член семьи особо хранит покупаемые им съестные припасы, не делясь ими ни с сыном и дочерью, ни с отцом и матерью, ни с братом и сестрой. Со страхом думаешь иногда, какие посевы могут взойти на этой почве. Но успевающие и имущие не унывают. Они хотят жить «во-всю». И никогда еще, кажется, в Москве так много не пели и не танцевали, так буйно не веселились, как сейчас...

21 мая.

МОСКВА. — Крестьянская жизнь. — В городе. — Первое мая. — Метро.

По последним сведениям, полученным нами из кругов, близких знакомых с жизнью деревни, там не только не наблюдается заметного улучшения благосостояния крестьянской массы, но, наоборот, имеется очень много фактов противоположного характера. Нынешняя весна ознаменовалась исключительно тяжелым обложением по части мясо-и молоко-поставок. На сей раз отменены даже льготы семьям красноармейцев, имевшие в прошлом довольно широкое применение. Контракция огородных культур заставляет крестьян отказываться от обработки даже того небольшого клочка земли, который каждый крестьянин имеет около своей усадьбы. Тяготы особенно настойчиво налагаются на единоличников и деревенских пролетариев с целью принудить их к вступлению в колхозы. Опубликованный на днях государственный план развития животноводства до деревни еще не дошел. Но очевидно, что приходится ждать нового отлива населения из деревень в города. Издававшиеся до сих пор распоряжения и декреты уже сделали свое дело в этом направлении. Крестьяне не верят в возможность улучшить свое положение хотя бы продажей излишков на колхозных базарах, так как сейчас уже начинают устанавливать твердые государственные цены, за превышение которых одинаково несут ответственность и покупатель, и продавец. Поэтому в ряде мест слагается мнение, что выращивать скот нужно только в количестве, необходимом для мясосдачи и для собственного потребления.

Не лучше положение и в городе, с той лишь разницей, что товаров и продуктов в продаже много, но покупательная способность чрезвычайно ограничена. Не говоря уже о предметах роскоши и деликатесах, цены на предметы первой необходимости и самого простого питания так высоки и так не соответствуют бюджетам, что низшие категории рабочих недодают, а средние едва сводят концы с концами.

Первое мая праздновали, как всегда, по казенному. Но после демонстрации было предложено новое «удовольствие» — катанье на несомсем готовом Метро. Эта игрушка стоила уйму денег, материалов и человеческих жизней, а пока что толку еще мало видно. Некоторые из наших ударников, прокатившиеся в новых вагонах, вынесли о постройке несомсем благоприятное мнение. Один знакомый два раза в течение одного дня пытался проехать всю линию, но без успеха: оба раза поезда стояли между станциями по часу и больше, пассажиры теряли терпение и отказывались от дальнейшего путешествия...

Р.

ИЗ ПАРТИИ

ЗАПРЕЩЕНИЕ «СОЦ. ВЕСТНИКА» В МАНЧЖУРИИ.

Мы получили сообщение о том, что продажа «Социалистического Вестника» на территории Маньчжу-ди-Го (Харбин) запрещена.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 22/5, 29/5, 2/6.
Отослано: № 8, № 37.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень Эконом. Кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Апрель-Май 1935 г. № 121.
Знамя России, № 5 (69).
Parti Socialiste (S.F.I.O.). XXXIIe Congrès National. 9-10-11-12 Juin 1935. Rapports.
A la lumière du marxisme. Conférences faites à la Commission scientifique du Cercle de la Russie Neuve, en 1933-1934. Introduction du Dr Henri Wallon. 1935. Editions Sociales Internationales, Paris. 320 pages. 25 frs.
Zivobletter. Bd. VIII N° 2 März 1935. Wilno.

НА СКЛАДЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»

имеются следующие издания:

	ЦЕНА ВО ФРАНКАХ для подписчиков «Соц. Вестн.»	
	Вместо: 40% скид.	
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Югов: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
О. Доманевская: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Дан: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

“ DER KAMPF ” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т :

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIÉRIE, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.